

15 ФЕВ 1976

МОСКОВСКИЙ КОММУНИСТ

г МОСКВА

ТАЙНА

ПЕРЕВОПЛО- ЩЕНИЯ

О НОВОЙ РОЛИ МАРИСА ЛИЕПЫ

Когда 1 января 1976 года Марис Лиела появилась на сцене Большого театра в роли Каренина, первой мысленной реакцией было: «Нет, не похож». Потом возник вопрос: «А на кого, собственно говоря, не похож?» На первого исполнителя роли — степенного, солидного, невозмутимого Н. Фадеечева? На его преемника В. Тихонова, нашедшего неповторимо острый рисунок партии, привнес туда отобранные с безупречным чувством меры приемы гротеска? Ну что ж, подобное отсутствие сходства закономерно и по сути своей положительно: перед нами желанная, во благо идущая спектаклю, разность актерских индивидуальностей.

Не похож на толстовского Каренина? Да, в первый миг: герой Лиелы молод (I), аристократичен, элегантен и вообще не лишен обаяния. И настолько хорошо собой, что невольно возникает еще один «вопрос по существу»: а почему такому Каренину предпочли кого бы то ни было, даже ежели «кто-то» — Вронский, исполненный А. Годуновым?

Однако новый истолкователь роли быстро и последовательно отбрасывает зрительские сомнения и разрешает внезапные вопросы. Обманчива блестящая внешность. Обманчива чарующая, любезная улыбка, блуждающая на этом «лице без возраста». Обманчивы изящные, подчас почти вкрадчивые манеры. Идеальная светская респектабельность — лишь маска. Проницательность, с какой понятия сценические задачи, состоит именно в показе двуличности персонажа.

Итак, всматриваясь в потаенный мир себялюбивых чувствований, тщеславных помыслов и нравственных понятий Алексея Александровича Каренина, актер с неумолимой логикой извлекает на свет рамы все, поначалу глубоко спрятанные, свойства живого характера. В его развитии есть вехи весьма важные. В его сценической истории есть стрихи разительно точные, найденные с уверенностью и безоговорочностью большого, зрелого мастера.

Отточенный жест, каким Каренин касается руки Анны. Редко видишь даже на драматической сцене такой многозначный подтекст в беглом, мимолетном прикосновении партнера к руке партнерши. Самый жест претерпевает интереснейшую эволюцию на протяжении секунд. Сначала осторожное касание вдруг оборачивается цепким, властным, жестоким — и вот уже узкая, хрупкая кисть Плисецкой словно замкнута в металл наручников. И вот уже становится зримым символ плена, где томится, мечется в поисках выхода Анна. И вот уже

становится ясной неизбежность единственно возможного трагического исхода. В одном жесте нам открывается натура собственника, утверждающего свои «права владения» живой душой, живым человеком.

Не однажды на протяжении спектакля вспомним мы это первое «разоблачение героя». И в картине скачек, когда среди громогласной, меднотрубной пошлости звучания духового оркестра, среди праздной и суетной толпы великосветских обывателей Лиела «поймает» Плисецкую, и та, словно редкостная птица, скованная незримыми путами, затоскует, забьется, затрепещет, сознавая ужас своей неволи. И в «картинах домашней жизни», когда респектабельный доселе Алексей Александрович вдруг с изумляющей грубостью заломит руки строптивой жены — на вполне «домостроевском» уровне.

Ведомы ли этому Каренину горести? Знает ли он цену человеческому страданию? Да и впрямь — есть ли у него сердце? Безусловно. Лиела отвечает на все вышеприведенные вопросы утвердительно, нигде, однако, не отступая от разрабатанной им концепции роли. Каренин, вдруг постаревший, вдруг утративший весь свой внешний лоск после признания Анны. Лиела даже позволяет своему герою сделать два-три медленных, словно одолевающих невидимое тяжкое препятствие шага, и мы видим разрушенного горем человека, почти старика. Каренин, танцующий свои «размышления», обдумывая возможность дуэли, не находя выхода из обуревающих его противоречивых соображений. Каренин, вдруг изменившийся в лице при известии о возвращении жены...

Но стоит завертеться привычному кругу деловых, официозных, житейских обстоятельств, и Каренин снова — в маске. Не оттого ли так к лицу ему придворный мундир, шитый золотом? Не оттого ли такая уместность маленькой, но замечательной в своем артистизме подробности: принимая поздравления коллег и единомышленников, Каренин едва заметно, словно сам себе снисходительно улыбаясь, бросает взгляд на только что надетую новенькую орденскую ленту. Здесь — среди раззолоченных дворцовых статуй, среди наряженных «а ля русс» фрейлин, среди высокопоставленных чиновников, где даже воздух словно пропитан вернопопаданными идеями, для героя Лиелы — родная стихия. И в такой трактовке психологическая точность обогащена не меньшей достоверностью социально-исторического порядка.

В подлинность такой фигуры веришь. Веришь, что Каренин не просто живой, доподлинный человек, каким очертил его новый исполнитель, но олицетворение целого общества, целого режима, глубоко враждебного и Толстому, и его героине. И подобная глубина социального анализа, подобная способность к типизации и обобщению придает работе Лиелы истинную идейно-художественную ценность.

В богатой победами и находками творческой биографии артиста Каренин уже занял свое обычное и значительное место. Но дебют Лиелы — из тех событий, что не ограничиваются пределами личной профессиональной карьеры. Любой из молодых артистов может почерпнуть здесь для себя немало поучительного в плане обдуманной всесторонне, исследовательски-пытливой работы над ролью.

Е. ЛУЦКАЯ.